

Айа ЛАУВА (Латвия)

Хозяин семьи

Откуда оно, это рабство? Может, из глубины каких-нибудь тропических времен, когда женщина была, так сказать, кухонно-постельной принадлежностью? Может быть и это, потому что ничто не возникает из пустоты. У всякого социального явления есть свои исторические корни. Но мне представляется, что нынешнее положение женщины в стране Советов имеет свои особенности, которых прежде не было. «Свободная» от свободного времени, измотанная очередями в магазинах после рабочего дня, дурным обслуживанием так называемой службы быта, женщина быстро старится, чувствует, что теряет свою единственность и привлекательность, что уже никому, кроме мужа (впрочем, и ему тоже) неинтересна и... позволяет обращаться с собой так, как и с рабынями-положницами не обращались.

1.

Общежитие для рабочих в одном из городов Прибалтики. По иронии судьбы — в марта. В дверь, прихрамывая, входит (почти вползает) женщина в распахнутом халате. Дальше она идти не может и опускается прямо на цементный пол. Бормочет только:

Наденьку! Дочку заберите.

Мы — администрация общежития (я там работала воспитателем) уносим эту женщину в изолятор. После долгих расспросов, наконец, удается узнать, что муж этой женщины, Николай, вернулся домой пьяный и, как случается с ним в таком состоянии, злой. Когда она принялась его ругать, а, может, усовещивать, вынул нож:

Прыгай в окно! А то убью.

И она прыгнула.

Осталась жива (благо, этаж был только второй), но, как оказалось позже, повредила позвоночник. Месяца три потом пролежала в больнице.

Мы отправились в комнату, где жила эта семья. Николай был уже в постели. Против ожидания, он не бранился, не угрожал. Пытался успокоить ребенка. Девочка, с совершенно белым лицом и огромными, круглыми от пережитого ужаса глазами, лежала рядом с отцом.

Наденька пойдем к маме! — позвала я.

— Никуда она не пойдет. Ей спать надо, — это — Николай.

Девочка молчала. Она только косилась на отца, но боялась не то что протянуть руки в ответ на мой жест, но даже кивнуть. Ей было пять лет, но я и у взрослых никогда не видела такого окаменевшего от горя и страха лица. Ребенка удалось забрать, когда мы сказали Николаю, что Ольга не может ходить, что мы вызвали «скорую помощь» к ней и милицию — к нему. Наверное, ему стало не по себе — сообразил, что происходит.

Свидетелей было много. Происшествие взбудоражило общество. Когда Ольга вышла из больницы, был назначен суд — милиция дала этому делу ход. И вот самое любопытное.

На суде пострадавшая сказала что... никто ей не угрожал, она сама из окна вывалилась, что свидетели лгут. И просила не наказывать мужа. Потом объясняла соседкам:

— Его посадят, так мне что? Одной быть, без мужика? А Надьку кормить кто будет? Ничего, на суде постращали, так с ножом больше не полезет. А так побьет — ничего, морда не отвалится. Зато — мужик в доме.

11.

В архиве Верховного Суда Латвийской ССР находится это дело, оформленное на постоянное хранение. Ординарное дело. Такие встречаются, конечно, не через одно, но в каждом десятке похожее найдется. Муж убил жену и ребенка. Жену спяну и от ненависти, которая почему-то всегда рождается у садиста именно от беспомощности и замордованности жертвы. Почему этот человек убил годовалую дочку, я не знаю. В показаниях убийцы об этом ничего не говорится. Беспристрастный фотоаппарат запечатлел только грудь и живот убитой матери (23 ножевых ранения и следы побоев на теле) и труп младенца с расколотым черепом. Фамилия всех этих людей самая распространенная: Петровы — Анна, Людочка и Степан.

Вся эта трагедия длилась пять лет — ровно столько, сколько продолжалась семейная жизнь этой пары. Анна металась по комнате, увертываясь (не всегда удачно) от увесистых кулаков мужа — огромного роста мужчины, очень сильного. Работал Степан грузчиком. Впрочем, на работе он был всегда на хорошем счету: то есть не напивался, всегда выполнял производственные задания и не опаздывал к началу рабочего дня. Поэтому и на жалобы жены в завкоме смотрели сквозь пальцы. Пролежав в больнице с сотрясением мозга после мужниных побоев (как она тогда-то выжила, еще не оправившаяся от родов? Людочке и трех месяцев не было), Анна обратилась в фабком с просьбой выделить комнату ей с ребенком в общежитии. Резолюция: «По возможности — выделить». «По возможности» значит у нас — когда-нибудь, может быть, если захотим. Как повернулась рука у наших **профсоюзных** (подчеркнуто мною — А. Л.) деятелей подписать так заявление, где прямо и недвусмысленно все предсказывало ту трагедию, что произошла полгода спустя?

Профсоюзные боссы Запада, которых в нашей печати ругают за соглашательство с хозяевами и которые все же иногда встречаются с представителями пролетариата самой свободной в мире Советской страны, — у вас такое бывает?

111.

Я не собираюсь рассказывать вам страшные истории. Случаи, которые на этот раз послужили поводом взяться за перо, имели место в реальной жизни. Правда, такое случается не часто. Не каждый день слушаются в Верховном Суде дела о растлении отцом малолетней дочери, да еще при сознательном попустительстве матери. Но что мне кажется в этой истории характерным, так это — совершенное скотоподобие женщины, замученной тяжелым, непосильным трудом. Что бы ни говорила и ни писала наша официальная пропаганда о свободной и равной с мужчинами во всем женщине страны Советов, на самом деле, как мне представляется, все существование большинства наших женщин — это упорная, не на жизнь, а на смерть, борьба за своих самцов. Впрочем, не быть одной — это дело не только и даже не столько темперамента. Пожалуй, не менее важно и другое — престиж. Быть одной — стыдно. Не знаю, как на Западе, но, насколько могу судить по литературе, там проблема замужества и удержания мужа подле себя не разрастается до таких уродливых размеров, не приобретает такие чудовищные формы.

Итак, слушается дело о растлении отцом малолетней дочери. Верховный Суд Латвийской ССР. Год 1978. Обвиняемый — невысокого роста, щупленький. Лицо — не злое, несмотря на тюремную стрижку. Даже трудно поверить, что это он в течение трех лет... И девочка — маленькая, с худым и прозрачным от бедности лицом. Две косицы светло-никакого цвета торчат в разные стороны. Таких девочек художники прошлого века любили изображать няньками или прислугами у каких-нибудь купцов. Она рассказывает, как папа уносил ее к себе в постель, что она плакала и не хотела, потому что он делал ей больно. Сперва это было, когда мама уходила на работу в ночную смену. А потом... Потом, когда начиналось все это, мама просто отправлялась в магазин или в другую комнату. Девочке всего 13 лет (кстати, выглядит она не старше 10-ти), а по свидетельству судебно-медицинской экспертизы, половые органы у нее развиты, как у взрослой женщины. И — сильнейшее воспаление яичников.

Вы знали, что над вашей дочерью чинится насилие? — спрашивает судья.

Знала, ну и что? Дите, конечно, жалко, — отвечает мать. — Но надо же как-то семью сохранять! А он, такой негодяй, любовницу на стороне завел! Уйти хотел.

Она чувствует, что сбилась. И, замолкнув на какое-то время, вдруг выпалила:
— А что я могла сделать? Не оставлять же ребенка без отца!...

И еще одна уголовная история. На этот раз — почти двадцатилетней давности. Могу сразу сказать, что преступник приговорен к расстрелу, что приговор приведен в исполнение. Но happy end не получается, потому что жертвы остались жить с такими душевными травмами, которые никакое время не залечивает.

Жители маленького местечка Кауната под Резекне до сих пор показывают: «Вот здесь они жили, в этом доме!» Они — это муж, жена и три девочки. Две — от первого брака женщины, а третья — общая их, мужа и жены, дочка. Мать часто болела, и девочки часто оставались с главой семьи.

Правда, старшая, шестнадцатилетняя Зинаида, с отчимом не ладила и предпочитала жить у родственников матери. Однажды она прибежала к ним в пять часов утра, растрепанная, в разорванной ночной сорочке, и рассказала, что едва вырвалась из рук отчима, который пытался ее изнасиловать. Ни тетка, ни ее муж сначала не поверили. Но весь вид девушки, синяки от побоев говорили сами за себя. Родственники подали в суд. А когда стали разматывать весь этот клубок, неожиданно выяснилось следующее.

За два года до того отчим позвал к себе младшую, тогда — девятилетнюю падчерицу. Играл с нею, был непривычно ласков. А потом... Было очень больно. Ребенок кричал и звал маму. Отчим пригрозил:

— Расскажешь — убью!

И Ниночка молчала. На этом история не окончилась. Когда мать уходила на работу в ночь или в очередной раз ложилась в больницу, отчим забирал девочку к себе в спальню. Она плакала, просила отпустить ее... Искала защиты у младшей сестренки, старалась лечь спать с нею вместе. В таком кошмаре прошли эти два года. Ничто не спасало: везде настигали Нину неумолимые жесткие руки отчима и тот ужас, которому она поначалу и названия-то не знала — только боль, страх и совсем не детская черная безысходность.

Кстати, и маленькая Леночка пощажена не была. По свидетельству судебно-медицинской экспертизы, «в результате развратных действий отца у нее растянута девственная плева». Девочке не было тогда семи лет.

Мать из-за этой истории повредила в рассудке и до конца дней своих так и не вылечилась окончательно.

Впрочем, бывает и по-другому. Как мне рассказывали, женщина, муж которой был арестован за изнасилование их **шестимесячной** дочери, в результате чего последовала смерть ребенка, буквально через несколько дней начала хлопотать об освобождении мужа. И объясняла это так:

— Я потеряла ребенка. Так вы хотите меня и мужа лишить?...